

Правовая охрана конкурентной среды в странах БРИКС: некоторые новеллы законодательства Бразилии¹

К.М. Беликова

Беликова Ксения Михайловна — д. юрид. н., доцент кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов; E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые новеллы законодательства одной из стран БРИКС — Бразилии — в сфере антимонопольного законодательства. Предметом авторского внимания становятся вопросы защиты интеллектуальных прав, изменения порядка и способов исчисления штрафов за нарушения экономического порядка, а также сокращения числа рыночных действий, совершение которых требует одобрения антимонопольных органов Бразилии.

Ключевые слова: БРИКС, Бразилия, охрана конкурентной среды, защита прав интеллектуальной собственности, штрафы, антиконкурентное рыночное поведение, антиконкурентные слияния, рыночная доля.

Key words: BRICS, Brazil, protection of the competition, defense of intellectual property rights, penalties, anticompetitive business practices, anticompetitive M&A, market share.

Проблематика БРИКС² стремительно становится одним из ключевых направлений внешней политики России. На сегодняшний день БРИКС — это объективная реальность, не замечать которую нельзя, поскольку очевидно, что отказ от включения экономики нашей страны в международный процесс экономической интеграции неизбежно приведет к фатальному отставанию от других государств. Это один из факторов, определяющих актуальность исследования права государств БРИКС.

Россия придает и будет придавать «приоритетное значение взаимодействию с партнерами по БРИКС. Эта уникальная структура, созданная в 2006 г., нагляднее всего символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству...», — отмечается в статье В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» [6].

Важностью определения основных направлений и содержания развития соответствующих взаимоотношений между странами обусловлена необходимость исследования различных аспектов правового регулирования отношений экономического оборота в Бразилии, России, Индии, Китае и ЮАР. Ведь именно многообразием национальных правовых систем продиктована необходимость выявления различий и установления

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-6159.2012.6 «Унификация частного права в разнотипных правовых порядках (на примере БРИКС)» (получатель гранта — К.М. Беликова, ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов», <http://www.rudn.ru/>).

² Аббревиатурой БРИКС обозначают форум пяти крупных интенсивно развивающихся стран в составе Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. На сегодняшний день указанные страны не стремятся координировать свою экономическую политику, также не предполагается создание торговой ассоциации [3, 5].

того общего, что есть между ними, для обеспечения возможности государствам, в том числе России, вступать друг с другом в партнерские отношения на условиях «равных возможностей». Кроме того, развитие взаимных отношений и экономическая интеграция являются основными способами сохранения национального рынка в условиях глобализации.

Поэтому и практический, и теоретический интерес представляет исследование вопросов правовой регламентации отношений в сфере охраны конкурентной среды в странах БРИКС. Предметом рассмотрения в настоящей статье станут новеллы законодательства в сфере охраны конкуренции в одной из стран БРИКС – Бразилии.

Как отмечают бразильские исследователи [14, Р. 50–58], новая эра конкурентной политики в Бразилии началась в 1994 г. с принятием действовавшего до недавнего времени Закона о защите экономического порядка № 8.884 от 11 июня 1994 г. [12]. Этот закон обязал участников рынка направлять в Административный совет по защите конкуренции (CADE – один из трех антимонопольных органов Бразилии) уведомления о планируемых операциях по слияниям и приобретению контроля; ввел более суровые штрафы за совершение антиконкурентных действий; наделил CADE бюджетной автономией и пр. Положения этого закона успешно развивались: была запущена программа «Антикартель», предусматривающая добровольное раскрытие картельного сговора его участниками и др.³ Тем не менее все насущнее осознавалась бразильскими правоведами и практическими деятелями необходимость изменения действующего закона и развивающихся его положений иных нормативных актов и правоприменительной практики.

³ Подробнее о положениях права Бразилии, действовавших до недавнего времени, и практике его применения см.: *Беликова К.М.* Слияние и присоединение предприятий в странах Латинской Америки // *Российский юридический журнал.* 2012. № 1 (82). С. 42–46; *Она же.* Правовая природа картелей, консорциумов, пулов на примере стран Латинской Америки // *Российское конкурентное право и экономика.* 2011. № 2. С. 60–64. URL: http://fas.gov.ru/eljournal/eljournal_30898.html (дата обращения: 06.12.2011); *Она же.* Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки: монография. М.: Юстицинформ, 2010; *Безбах В.В., Беликова К.М.* Реорганизация юридических лиц посредством слияний и присоединений в контексте антимонопольного регулирования в странах Латинской Америки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки».* 2009. № 5. С. 150–156; *Беликова К.М.* Контроль за реорганизацией юридических лиц в форме слияний и присоединений в праве стран МЕРКОСУР // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2009. Вып. 2. С. 47–55; *Она же.* Опыт антимонопольного регулирования в странах МЕРКОСУР // *Государство и право.* 2009. № 8. С. 97–100; *Она же.* Законодательные основы осуществления антимонопольными органами контроля за «экономическими концентрациями» в странах МЕРКОСУР // *Международное публичное и частное право.* 2008. № 5. С. 16–18; *Она же.* Общая характеристика монополистической деятельности предприятий на рынках стран МЕРКОСУР // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки».* 2008. № 1. С. 48–54; *Она же.* Правоприменительная практика Европейского союза и стран Южноамериканского общего рынка – Аргентины, Бразилии и Перу о вертикальных соглашениях, ограничивающих торговлю, на примере связывающих контрактов, отказа в продаже товаров или предоставлении услуг и установления цен перепродажи // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2006. № 3. С. 77–89; *Беликова К.М.* Подходы к охране конкуренции, закрепляемые законодательством Южноамериканского общего рынка // *Законодательство и экономика.* 2006. № 9. С. 49–53; *Беликова К.М., Безбах В.В.* Запрещенная деловая практика и квалифицирующие ее признаки по праву ЕС и стран МЕРКОСУР – Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Боливии, Перу и Чили // *Право и политика.* 2006. № 8. С. 122–133; *Беликова К.М.* Злоупотребление доминирующим положением в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике Европейского союза и стран Южноамериканского общего рынка – Аргентины, Бразилии и Перу // *Право и политика.* 2006. № 7 (79). С. 38–52; *Беликова К.М.* Положения правовых актов и правоприменительная практика о горизонтальных соглашениях, ограничивающих торговлю, Европейского союза и стран Южноамериканского общего рынка – Аргентины, Бразилии и Перу // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2006. № 1. С. 31–42.

Поэтому после семи лет обсуждения в Конгрессе 1 декабря 2011 г. был опубликован новый Закон о защите конкуренции – Закон № 12.529 от 30 ноября 2011 г. о предотвращении и подавлении нарушений экономического порядка и о Системе Бразилии по защите конкуренции (*Sistema Brasileira de Defesa de Competencia – SBDC*), вступивший в силу 29 мая 2012 г. [11]. Рассмотрим основные новеллы этого закона.

Первая неоспоримая новелла – это сокращение числа рыночных действий, совершение которых требует, согласно ст. 54 вышеупомянутого Закона 1994 г., одобрения со стороны Административного совета по защите конкуренции Бразилии. Цель – уменьшить загруженность Системы Бразилии по защите конкуренции – нового институционального инструмента, созданного взамен действовавших ранее трех государственных органов по защите конкуренции, в части *контроля рыночных структур*. В доктрине зарубежных стран [13, Р. 62–69] существует деление запрещаемой деловой практики по принципу установления контроля за рыночным поведением предприятий и структурой рынка. Контролирование рыночного поведения предполагает запрет антиконкурентных соглашений и злоупотребления доминирующим положением на рынке; контролирование структуры рынка нацелено на предотвращение искажения его структуры в результате антиконкурентных слияний и приобретений крупных партий имущества. Так, Закон 1994 г. устанавливал альтернативные критерии оценки совместимости «концентраций» с национальным рынком и, соответственно, критерии для уведомления о планируемой операции по слиянию:

- либо получение любым из участников «концентрации» годового дохода (по данным последнего балансового отчета), равного 400 млн реалов (что соответствует 225 млн долл. США или 170 млн евро), т.е. превышение «концентрацией» этого порогового показателя;
- либо приобретение предприятием, возникающим в результате слияния, доминирующего положения на рынке в Бразилии, равного 20% рынка, т.е. потенциальная способность исказить конкуренцию.

Доминирование имело место, когда предприятие или группа предприятий контролировали существенную часть рынка в качестве поставщика, агента, покупателя или финансиста определенного товара, услуги или технологии (§ 2 ст. 20 Закона 1994 г.). При этом бразильский законодатель связывал презумпцию доминирования предприятия на рынке с его 20%-й рыночной долей (§ 3 ст. 20 Закона 1994 г.). По этой причине контроль со стороны антимонопольных органов осуществлялся при совершении таких слияний (присоединений) или учреждений обществ для контроля за предприятиями, следствием которых является приобретение доли, равной 20% соответствующего рынка. Альтернативой выступало получение любым из участников указанных действий годового дохода, равного 400 млн реалов.

Согласно положениям нового Закона 2011 г. № 12.529, уведомление должно представляться в CADE сторонами – участницами операции по слиянию в случае, если одновременно имеют место следующие обстоятельства:

- годовой доход на территории Бразилии хотя бы одного из предприятий одной из сторон, участвующих в операции по слиянию, по данным последнего балансового отчета за год, предшествующий году, в котором осуществляется слияние, составит 400 млн реалов;
- годовой доход на территории Бразилии хотя бы одного из предприятий второй из сторон, участвующих в операции по слиянию, по данным последнего балансового отчета за год, предшествующий году, в котором осуществляется слияние, составит 30 млн реалов (ст. 88 Закона 2011 г.).

Таким образом, теперь не только соответствующий товарный и географический рынки должны быть ощутимых размеров, но и поглощаемая (как правило) фирма также должна иметь ощутимый вес на рынке Бразилии. Следовательно, рыночная доля, выступавшая ранее необходимым критерием для направления уведомления, теперь таковой не является. При этом оба описанных критерия являются не альтернативными, а кумулятивными в отличие от ранее существовавшей ситуации. Большинство специалистов, критиковавших альтернативный критерий 20%-й рыночной доли, довольны его отменой; другие полагают критику необоснованной и недовольны отменой [13, Р. 62–69].

В России для определения доминирования в законодательстве установлены и количественные, и качественные критерии. Нижний порог как обязательный отсутствует (см. ч. 6.1. ст. 5 Закона о защите конкуренции [7]). Антимонопольный орган в ходе расследования может опираться альтернативно на количественные или качественные критерии, а также на те и другие одновременно. Компания с любой долей, даже в 1%, теоретически может быть признана доминирующей, а следовательно, в дальнейшей перспективе развития расследования она может быть признана злоупотребляющей своим положением.

Поскольку практика применения антимонопольных норм Бразилии обнаруживает тенденцию к постепенному отходу от формально-юридического запрета монополистической практики как таковой (*per se*) в сторону расширения круга разрешаемых действий, социальная полезность которых превышает издержки нарушения конкуренции, основанием служат телеологические соображения законодателя, стремящегося сочетать поддержание рыночной конкуренции со стимулированием эффективности рыночного функционирования хозяйствующих субъектов. Наличие либо отсутствие законодательного закрепления такого критерия, по нашему мнению, непринципиально, поскольку наличие рыночной власти⁴, а не рыночной доли оказывается определяющим при решении вопроса о возможностях того или иного предприятия воздействовать на конкуренцию.

Описанные различия позволяют отечественным исследователям [4, с. 169–177] говорить о том, что несходство подходов к регламентации условий признания доминирования само по себе ставит под сомнение перспективу возможной и быстрой гармонизации норм в данной области, поскольку нормы об условиях доминирования являются в каждой стране результатом и общественного обсуждения, и экономической истории и стратегии, и политической воли, и иных факторов, отражающих национальную специфику, от которой не просто отказаться.

Следующая новелла касается изменений в способах исчисления штрафов за антиконкурентное поведение. Окончательный размер штрафа зависит от процента и базы, на которую начисляется штраф: оба основания претерпели изменения в действующем законе. Так, согласно ст. 37 Закона № 12.529 2011 г., на нарушителей экономического порядка налагаются следующие штрафы:

I. На *предприятия* (*empresa*) – штраф от 0,1% до 20% от оборота предприятия, группы или конгломерата предприятий за финансовый год, предшествующий году, в котором начат административный процесс в отношении такого предприятия, группы или конгломерата предприятий, но не меньше, чем полученные в результате правонарушения преимущества, в случае, когда их оценка возможна.

⁴ Как способности устанавливать цены и иные условия торговли без учета пожеланий и интересов поставщиков, потребителей и др.

II. На *иных* физических и юридических лиц публичного и частного права, а равно на союзы учреждений (*associações de entidades*) и иные лица, действующие *de facto* или учрежденные на основании положений закона, в том числе временно⁵, и наделенные, либо не наделенные чертами юридической личности (т.е. неправосубъектные⁶), *которые не осуществляют предпринимательской деятельности* и к которым, соответственно, неприменим критерий подсчета оборота такого предприятия – штраф от 50 тыс. реалов до 2 млрд реалов.

III. На управляющих, прямо или косвенно несущих ответственность за совершенные нарушения, когда их вина, в том числе умысел, доказана, – штраф от 1% до 20% от размера штрафа:

- налагаемого на *предприятие*, которым управлял такой управляющий (в случае, предусмотренном п. I настоящей статьи);
- налагаемого на юридических лиц или учреждения (в случае, предусмотренном п. II настоящей статьи).

Следует отметить, что понятие «предприятие» трактуется в законодательстве Бразилии (например, ГК Бразилии 2002 г. [9]) как *предпринимательская активность предпринимателя* (*empresa como atividade do empresário*). Книга II Особенной части ГК Бразилии 2002 г. «Право предприятия» (*Direito de Empresa*) отходит от традиционной, закрепленной Торговым кодексом 1850 г. системы, базировавшейся на фигуре коммерсанта и профессиональном занятии торговлей (уже упоминавшаяся *teoria dos atos de comércio*), и оперирует категорией «предприниматель» (*empresário*) и «предпринимательская деятельность» (*atividade empresarial – teoria da empresa –* Титул I Книги II Особенной части). Ключевой фигурой становится фигура предпринимателя, осуществляющего на *профессиональной* основе *экономическую* деятельность, организованную для производства и продажи на рынках товаров и услуг. Согласно ст. 966 ГК Бразилии, предпринимателем признается любой, кто на профессиональной основе осуществляет экономическую деятельность, организованную для производства или введения в обращение товаров или услуг.

Что касается характеристик предпринимательской деятельности (*atividade empresarial*), то, основываясь на закрепляемой ГК трактовке понятия предпринимателя, таковой бразильские правоведы полагают деятельность:

- осуществляемую на профессиональной основе (в виде промысла – *critério do profissionalismo*) – поэтому не признается предпринимательской спорадическая, эпизодическая, не образующая системы деятельность какого-либо торговца: толь-

⁵ Так, временным является *консорциум* в Бразилии. Он возникает на основе договора об экономическом сотрудничестве. Участниками такого объединения могут быть компании или общества, действующие на основании положений закона об Акционерных обществах. Образованный ими союз статуса юридического лица не приобретает. Целью его функционирования объявляется торговая кооперация, сотрудничество в форме занятия какой-либо конкретной деятельностью, выполнения какой-либо заранее указанной работы или оказания услуги, являющихся дополнительными к основному предмету деятельности каждого из товариществ или предпринимателей, входящих в союз, в стране или за ее пределами. Срок действия такого объединения признается равным сроку, необходимому для выполнения соответствующей работы или оказания услуги [1, С. 60–64].

⁶ Так, например, образованный участниками *консорциума* союз статуса юридического лица не приобретает. Участники консорциума не утрачивают поэтому своей производственной и правовой самостоятельности, но лишаются возможности индивидуальной коммерческой деятельности. Поскольку консорциум не признается юридическим лицом, каждый из его участников самостоятельно принимает на себя обязательства, вытекающие из заключенного договора, и несет ответственность по их исполнению перед третьими лицами. Договор об образовании консорциума регистрируется в торговом реестре по месту нахождения его участников [1, С. 60–64].

ко систематическое осуществление деятельности, направленной на производство или введение в обращение товаров или услуг придает лицу статус предпринимателя;

– экономическую и особым образом организованную (*atividade economica organizada*), т.е. направленную на извлечение прибыли (*atividade lucrativa*) в результате посредничества между производителем и потребителем (пользователем) товаров или услуг на основе использования факторов производства: капитала, работ, средств производства и технологий;

– состоящую в производстве или введении в обращение товаров или услуг (*atividade-de do produção ou circulação de bens e serviços*) в форме посредничества между производителем и потребителем (пользователем) товаров или услуг.

Одновременно не признаются предпринимателями лица интеллектуальных профессий (*quem exerce profissão intelectual*), лица, занимающиеся научной, художественной или литературной деятельностью (*quem exerce profissão de natureza científica, literária ou artística* – единственный параграф ст. 966 ГК) [2, С. 265–271].

Стоит отметить в этой связи, что исследование вопроса о правовой природе предприятия как субъекта многих общественных отношений, в противовес основному участнику экономического оборота – юридическому лицу – представляет непосредственный интерес в контексте совершенствования и обновления действующего российского законодательства [2, С. 249–275].

В Законе 1994 г. в отношении предприятий штраф исчислялся от размера годового дохода предприятия в размере от 1% до 30%, штрафы для управляющих составляли от 10% до 50% от размера штрафа для предприятия. В этой связи представляется, что резкое понижение штрафов, устанавливаемых на законодательном уровне, способно лишь подхлестнуть повышение уровня нарушений и антиконкурентных действий, но никак не служит стимулом к правомерному поведению. Вместе с тем неоспоримо и то, что штрафы играют весомую роль и как санкция за нарушение антимонопольного законодательства, и как мера, направленная на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства. Тем не менее штрафы, безусловно, не самоцель, а средство улучшения ситуации на рынке. С этой точки зрения эффективность положений нового бразильского закона будет наглядно видна, когда появится практика его применения.

Следующая новелла акцентирует иные грани защиты прав интеллектуальной собственности⁷. Система Бразилии по конкурентной политике (*Brazilian Competition Policy System – BCPS*) в составе действовавших ранее трех антимонопольных органов Бразилии – CADE, SEAE (орган, отвечающий главным образом за экономический анализ слияний и приобретений крупных партий имущества) и SDE (орган, отвечающий преимущественно за экономический анализ рыночного поведения предприятий)⁸ – в последние годы возбуждала административные расследования в отношении компаний, негативно влиявших на конкуренцию посредством злоупотребления интеллектуальными правами. Так, пионером стало дело производителей зубной пасты *Colgate-*

⁷ Отметим в этой связи, что проект изменений ГК РФ, например, предлагает в поправках к ст. 10 закрепить положение, согласно которому «Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.» См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская Газета. 07.02.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/07/gk-site-dok.html> (дата обращения: 11.11.2012).

⁸ См.: *The Brazilian Competition Policy System*. URL: <http://www.cade.gov.br/upload/WTOgenevaS-BDCtrade policy2.pdf> (date of access: 23.08.2012).

Kolynos (сентябрь 1996 г.), основным условием, при котором стала возможна операция по слиянию компании Colgate и компании Kolynos, было наложение временного (на четыре года) запрета на использование товарного знака Kolynos. За это время на рынок Бразилии проник мировой лидер производства зубной пасты – компания Aquafresh, в тот период не представленная на бразильском рынке [8]. Количество дел с таким финалом в плане контроля структуры рынка в последние годы в Бразилии увеличивается.

Тем не менее подозрения в нарушении антимонопольного законодательства посредством антиконкурентного рыночного действия, сопряженного со злоупотреблением в ходе приобретения или использования интеллектуальных прав, не выдвигались до конца 2010 г.

В качестве примера можно назвать:

– «дело о тахографах» (РА 08012.004484/2005-51, 18.08.2011), в котором предприятие Siemens Brazil, переименованное в компанию Continental и занимающее доминирующее (85%) положение на рынке тахографов, было обвинено в злоупотреблении правом на товарный знак в форме подачи заявки на его регистрацию, хотя тождественный товарный знак уже фактически использовался компанией-конкурентом [13, Р. 62–69];

– дело ANFAPE (Associação Nacional dos Fabricantes de Auto Peças [6], AP n 08012.002673/2007-51) – Национальной ассоциации производителей запчастей, обвиняемой в злоупотреблении правами на промышленные образцы других, более мелких производителей, используемые ANFAPE в дизайне запчастей для автомобилей, поставляемых ею на экспорт, и др. [14, Р. 50–58.]

В этом формате интерес представляют, прежде всего, иначе расставленные в Законе № 12.529 от 30 ноября 2011 г. акценты в этом вопросе.

Во-первых, Закон 1994 г. упоминал об интеллектуальной собственности лишь в п. XVI ст. 21 в контексте квалификации их в качестве нарушений экономического порядка: «Воспрепятствование использованию прав промышленной или интеллектуальной собственности или технологий составляет акт нарушения экономического порядка». В ст. 36 нового закона приведенная формулировка сохранена в неизменном виде (п. IV § 3), но добавлен пункт XIX, согласно которому нарушает конкуренцию также злоупотребление правами промышленной или интеллектуальной собственности, правами на технологии и товарные знаки.

Во-вторых, на вершине наказаний за нарушения экономического порядка в законе 1994 г. находилась возможность выдачи по решению компетентного органа принудительной лицензии на использование запатентованных нарушителем экономического порядка изобретений (пп. а) п. IV ст. 24). В новом законе говорится о выдаче принудительной лицензии в отношении не изобретений, запатентованных нарушителем, но «любых объектов интеллектуальных прав, обладателем которых является нарушитель, когда нарушение связано с использованием таких прав» (пп. а) п. IV ст. 38).

Аналогичная норма предусмотрена новым законом и в отношении слияний пунктом V § 2 ст. 61 нового закона, согласно которому, в случае, когда, по мнению членов Административного трибунала по защите экономики (структурного подразделения CADE), слияние может создать угрозу конкуренции, они могут установить в отношении объектов интеллектуальных прав предприятия, которое будет создано в результате слияния, принудительную лицензию. На наш взгляд, эта мера представляется чрезмерной и не вполне обоснованной в связи с тем, что в Бразилии действует система административных разрешений в отношении слияний и, таким образом, контроль над

ними вполне может осуществляться и без использования института принудительной лицензии.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы. Представляется, что, с одной стороны, новеллы Закона 2011 г. о защите конкуренции Бразилии направлены на либерализацию правового регулирования отношений в сфере создания и поддержания конкурентной среды. Об этом свидетельствует, по нашему мнению, сокращение числа рыночных действий, совершение которых требует одобрения со стороны Административного совета по защите конкуренции Бразилии, и понижение размера штрафов за нарушения экономического порядка. С другой стороны, налицо восполнение пробелов, имевшихся в ранее действовавшем Законе 1994 г. в части защиты интеллектуальных прав: в разряд нарушающих конкуренцию попало злоупотребление правами промышленной или интеллектуальной собственности, правами на технологии и товарные знаки, чего раньше не было на законодательном уровне; претерпел изменения в сторону ужесточения и круг объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых возможна теперь выдача принудительной лицензии. Проведенный краткий обзор позволяет, на наш взгляд, констатировать, что такой подход бразильского законодателя, отраженный в новом законе, продиктован стремлением сочетать поддержание рыночной конкуренции со стимулированием эффективности рыночного функционирования хозяйствующих субъектов при одновременном стремлении предоставить destinаторам закона механизмы преодоления противоречия между тенденцией к монополизации и необходимостью сохранения конкурентной рыночной среды.

Литература

1. Беликова К.М. Правовая природа картелей, консорциумов, пулов на примере стран Латинской Америки // Российское конкурентное право и экономика. 2011. № 2. С. 60–64. URL: http://fas.gov.ru/eljournal/eljournal_30898.html (дата обращения: 06.12.2011).
2. Беликова К.М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки: монография. М.: Юстицинформ, 2010.
3. Окунева Л.С. БРИКС: проблемы и перспективы (Научная конференция, МГИМО (У), 9–10 ноября 2011 г.) // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Центр БРИКС. Март 2012. Вып. 2 (32). URL: <http://www.mgimo.ru/publications?id=220487> (дата обращения: 14.08.2012).
4. Писенко К.А. О перспективах гармонизации и интеграции антимонопольного регулирования в странах БРИКС на примере исследования подходов к определению условий доминирования хозяйствующих субъектов на рынке // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: Материалы научного семинара. Москва, 9 октября 2012 г. / отв. ред. и сост. К.М. Беликова. М.: Сенат Пресс, 2012 (в печати).
5. Россия в БРИКС // Министерство иностранных дел РФ. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/brics.nsf> (дата обращения: 14.01.2012).
6. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 23.08.2012).
7. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание Законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
8. ANFAPE x Fiat Automóveis S.A., Ford Motor Company Brasil Ltda, Volkswagen do Brasil Industria de Veículos Automotores Ltda. Цит. по: Colgate Completes Final Stage of Kolynos Purchase Approval Process // Business Wire. New York. 19.03.1997. P. 48–49. URL: <http://www.thefreelibrary.com>.

com/Colgate+Completes+Final+Stage+of+Kolynos+Purchase+Approval+Process.-a019225686 (date of access: 23.08.2012).

9. Código civil do República Brasil. 2002. Lei n 10.406, de 10.1.2002. Lei Ordinária // DOFC PUB 11/01/2002, 000001, 1, Diário Oficial da União. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/2002/L10406.htm (date of access: 23.08.2012).

10. Colgate Completes Final Stage of Kolynos Purchase Approval Process // Business Wire. New York. 19.03.1997. URL: <http://www.thefreelibrary.com/Colgate+Completes+Final+Stage+of+Kolynos+Purchase+Approval+Process.-a019225686> (date of access: 23.08.2012).

11. Lei Nº 12.529, de 30 de Novembro de 2011, que “Estrutura o Sistema Brasileiro de Defesa da Concorrência; dispõe sobre a prevenção e repressão às infrações contra a ordem econômica // DOU. 01.11.2011. URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/_Ato2011-2014/2011/Lei/L12529.htm#art128 (date of access: 21.08.2012).

12. Lei nº 8.884, de 11 de junho de 1994 (Lei de Defesa da Concorrência), que transforma o Conselho Administrativo de Defesa Econômica (Cade) em Autarquia, dispõe sobre a prevenção e a repressão às infrações contra a ordem econômica e dá outras providências modificada pela Lei n.º 10.149, de 21 de dezembro de 2000. URL: <http://www.cade.gov.br/Default.aspx?ed41d127fe14e82afc4ae1> (date of access: 31.07.10).

13. Salgado L.H., de Moraes R.P. The New Brazilian Antitrust Law: Beyond the Basics // Boletín Latinoamericano de Competencia. Marzo 2012. N 31. P. 62–69. URL: <http://ec.europa.eu/competition/publications/blc> (date of access: 23.08.2012).

14. Salgado L.H. et al. Study on the Anticompetitive Enforcement of Intellectual Property Rights: Sham Litigation. A Preliminary Report Related to Simplified Public Call (IPEA/PNPD nº 056/2010) of Institute for Applied Economic Research (IPEA). 2010-2011. P. 50–58. URL: http://www.wipo.int/export/sites/www/meetings/en/2011/wipo_ip_ge_11/docs/study.pdf (date of access: 23.08.2012).